

Научная статья

УДК 81:82-2

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-82-92

Идеал русской возлюбленной в пьесе О. Уайльда: о специфике образа Веры Сабуровой

Татьяна Валерьевна Бобылева

Независимый исследователь
Новосибирск, Россия

bobylevatv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0369-1631>

Аннотация

Актуальность работы связана с тем, что общепринятая интерпретация одной из сравнительно малоизученных героинь О. Уайльда – Веры Сабуровой – обычно не раскрывает всю глубину и поэтичную экспрессивность этого женского образа, а также его глубокую связь с русской культурой. Цель исследования – выявить и описать присущие героине черты любящей и любимой русской женщины. В статье высказывается предположение о том, что О. Уайльд мог знать об основных значениях имени *Вера* в русском языке и намеренно акцентировать его связь с глаголом *trust* ('верить'). Выделены следующие коннотации имени *Вера* в контексте пьесы: вера в Бога; вера в человечность, добро и справедливость; вера как доверие в любви. В работе проведен качественный и количественный анализ примеров репрезентации 6 признаков в образе героини: 3 сущностных («Самоотверженная женщина», «Снегурочка», «Прекрасная Дама») и 3 контекстуальных («Невозможность женского счастья», «Обретение женского счастья», «Истинная любовь»). Установлено, что преобладающими сущностными признаками являются «Прекрасная Дама» и «Самоотверженная женщина», преобладающим контекстуальным признаком – «Истинная любовь». В рамках рассмотрения вышеуказанных признаков выявлено, что в образе Веры Сабуровой сочетаются черты русской женщины из истории (жены декабристов) и литературы (Снегурочка, Анна Одинцова, Татьяна Ларина, некрасовская крестьянка) XIX в. Переводы соответствующих произведений были опубликованы в течение двух десятилетий до премьеры пьесы О. Уайльда (1883 г.). Иными словами, образ героини мог формироваться в мировоззрении автора постепенно. Значимость работы связана с возможностью расширить представления о влиянии русской литературы и культуры на творчество зарубежных авторов, в частности, О. Уайльда (особенно на раннем этапе).

Ключевые слова

женские образы, английская литература, русская литература, О. Уайльд, И. С. Тургенев, А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов

Для цитирования

Бобылева Т. В. Идеал русской возлюбленной в пьесе О. Уайльда: о специфике образа Веры Сабуровой // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 2. С. 82–92. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-82-92

© Бобылева Т. В., 2024

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2024, vol. 22, no. 2

The Ideal of a Russian Ladylove in Oscar Wilde's Play: some features of Vera Sabouroff's image

Tatyana V. Bobyleva

Independent Researcher,
Novosibirsk, Russian Federation

bobylevatv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0369-1631>

Abstract

Vera Sabouroff in *Vera; or, the Nihilists* by Oscar Wilde is stereotypically interpreted as a nihilist. The purpose of the article is to reveal some of Vera's features as a (loving and loved) Russian woman. The article suggests that Oscar Wilde might have known the main meanings of the female name *Vera* ('faith', 'trust') in Russian and thus emphasized its connection with the verb *trust*. The following meanings of the name *Vera* are revealed in the play context: faith in God; faith in humanity, kindness, and justice; faith as trust in love (Vera's trust saves Alexis's life, etc.). The qualitative and quantitative analysis explores six features in Vera's image. Three of them reflect her female nature (Devoted Woman, Snegurochka, Knight's Lady) and the three others describe the romantic context of her life (Impossibility of Happiness for Woman, Chance of Happiness for Woman, True Love). The results show that Knight's Lady and Devoted Woman are the predominant features of Vera's nature, while True Love is the predominant feature of the romantic context of Vera's life. The research results also reveal Vera Sabouroff's resemblance to some portraits of the Russian woman from history and literature of the 19th century. Vera's care for prisoners brings to mind the Decembrist's wife (a symbol of Russian woman's self-sacrifice). Vera's distantness in love and contrastive semantics of snow / chill / water versus flame / light / heat / sun reveal her as an incarnation of Snegurochka (Snow Maiden). Vera's figurative coldness and nearly physical resistance to love resemble Anna Odintsova in *Fathers and Sons* by Ivan S. Turgenev. The contrast of exterior coldness and a fiery heart in Vera's image remind of Tatyana Larina in *Eugene Onegin* by Alexander S. Pushkin. Comparing the peasant girl Vera both to the sun and an empress echoes Nikolay A. Nekrasov's lines praising the merits of Russian peasant women in *The Red-Nosed Frost*. Translations of these works appeared within two decades before Wilde's play premiere (1883). Thus, Vera's image might have been formed in Wilde's mind gradually. Comparing Vera to the morning sun poetically completes her image as a woman whose warmth defeats her own former coldness and whose light dispels the fatal dark in the male character's soul. The results of the research widen our understanding of the Russian culture influence on Oscar Wilde's work.

Keywords

female characters, English literature, Russian literature, Oscar Wilde, Ivan S. Turgenev, Alexander S. Pushkin, Nikolay A. Nekrasov

For citation

Bobyleva T. V. The Ideal of a Russian Ladylove in Oscar Wilde's Play: some features of Vera Sabouroff's image. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 82–92. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-82-92

Введение

Актуальность исследования связана с тем, что при изучении женских персонажей в творчестве О. Уайльда сравнительно мало внимания уделяется образу русской девушки Веры Сабуровой, который в настоящее время недостаточно полно раскрыт. Интерпретация героини как нигилистки (см. [Валова, 2015; Yoshimi Shintani, 2001] и мн. др.) справедливо акцентирует негативную роль деструктивной идеологии в жизни человека. Нераскрытыми при этом остаются конструктивные аспекты личности героини, женственность и поэтичная экспрессивность ее образа, а также его глубокая связь с русской культурой.

Целью исследования является восполнение некоторых пробелов в восприятии художественного образа Веры Сабуровой через выявление и описание присущих ей черт любящей и любимой русской женщины. Поскольку личность героини, на наш взгляд, является многогранной, в данной статье мы не претендуем на ее исчерпывающий анализ.

Для достижения цели были поставлены 4 основные задачи:

- 1) выделить коннотации имени героини в контексте произведения;
- 2) определить, какие признаки этого женского образа следует изучить;

- 3) провести качественный и количественный анализ примеров их репрезентации;
- 4) в рамках рассматриваемых признаков по возможности выявить интертекстуальные связи с женскими образами из произведений русской классической литературы XIX в., которые могли вдохновить автора.

Для анализа выбраны **6 признаков**: 3 сущностных (черты героини как русской женщины) и 3 контекстуальных (связанных с развитием романтического сюжета, частью которого она является).

Первый сущностный признак «Самоотверженная женщина» выбран, исходя из обобщенного образа русской женщины: ее выдающимися качествами, запечатленными в отечественной классической литературе, являются сострадательность и самоотверженность. Второй сущностный признак «Снегурочка» связан с русской народной культурой и выбран, исходя из образа самой Веры: уже при первом знакомстве с пьесой обращает на себя внимание ее неприступность в любви. Третий сущностный признак «Прекрасная Дама» выбран, исходя из отношения к героине со стороны героя и автора: любовь первого (и, вероятно, восхищение второго) возводит Веру в статус идеальной возлюбленной, помещенной при этом в контекст русской культуры.

Контекстуальные признаки «Невозможность женского счастья» и «Обретение женского счастья» в обобщенном виде охватывают два основных альтернативных сценария женской судьбы в произведениях о любви. Третий контекстуальный признак «Истинная любовь» призван выделить высшие духовные ценности этого чувства в пьесе.

Материалом исследования послужила пьеса О. Уайльда "Vera; or, the Nihilists" («Вера, или Нигилисты»). В издании, на которое мы опираемся, она опубликована под названием "Vera" («Вера») [Wilde, 2007]. В работе использовались следующие **методы**: целенаправленная выборка, анализ семантики, качественный, количественный и сравнительный анализ языкового материала, обобщение, интерпретация.

Нами приняты следующие **критерии для оценки соответствия** примеров вышеуказанным признакам. «Самоотверженная женщина»: проявления самоотверженности, заботы и сострадания к семье, возлюбленному и другим людям. «Снегурочка»: неприступность в любви, семантический контраст льда / снега / холода / воды и пламени / света / жара / солнца в прямом и метафорическом смысле, сдержанный темперамент, склонность к физической статичности по аналогии со снежной скульптурой. «Прекрасная Дама»: благородное происхождение или значимый социальный статус, физическая красота, восхищенное рыцарское преклонение со стороны мужчины, его желание служить возлюбленной как госпоже, совершая подвиги ради нее. «Невозможность женского счастья»: ощущаемые героиней препятствия на пути к любви. «Обретение женского счастья»: переживание любви и соответствующих положительных эмоций. «Истинная любовь»: духовные, нравственные достоинства этого чувства и символы его бессмертия.

В своем исследовании мы считаем необходимым снять акцент с вовлеченности Веры в нигилизм, поскольку эта деструктивная идеология противоречит истинной природе героини. Сам автор пьесы имплицитно осуждает нигилизм как разрушительную силу, противопоставляя ее истинной любви.

Имя-символ *Вера*

Особого рассмотрения требует семантически насыщенное имя героини. Утонченная поэтичность стиля О. Уайльда находила отражение в выборе символических женских имен. Рассмотрим некоторые из них: Беатриче (аллюзия на бессмертие возлюбленной у Данте) в «Герцогине Падуанской», Вирджиния (отсылка к лексеме *virgin* как выражению чистоты и добродетели) в «Кентервильском привидении», Сибил (знак сивиллы, предопределенности судьбы и неотвратимости рока) в «Портрете Дориана Грея» и т. д. Столь пристальное внимание к имени жен-

щины как отражению ее сущности могло быть связано с тем, что мать автора, поэтесса Леди Джейн Франческа Уайльд, была известна под псевдонимом *Speranza* – по-итальянски ‘надежда’. Обращает на себя внимание символическая связь значений слов *Vera* и *Надежда* в рамках знаменитой триады во многих языках мира... Мы предполагаем, что О. Уайльд знал о значениях имени *Vera* в русском языке. Даже если это не так, для представителей той лингвокультуры, с которой связан хронотоп пьесы, особое прочтение имени *Vera* в любом случае сохраняется и функционирует в качестве (своего рода непреднамеренного) художественного приема.

Рассматривая символичность имени героини, мы выделяем следующие его коннотации в контексте произведения О. Уайльда.

1. Вера в Бога. В пьесе присутствует тема христианства. Упоминаются: *Saint Nicholas* (‘Святой Николай’), выражение *per crucem ad lucem* (‘через крест к свету’) и т. д. Царевич Алексей, став императором, предлагает Вере брак и венец. Последний, на наш взгляд, может иметь двойной смысл, являясь не только атрибутом царственного статуса, но и символом православного венчания. Таким образом, слова героя “*Vera, it is for you, for you alone, I kept this crown*” [Wilde, 2007. P. 404] («Вера, это для тебя, для тебя одной, я сохранил этот венец»¹) можно рассматривать не только как намерение справедливо править совместно с возлюбленной, но и как стремление обвенчаться с Верой в рамках русской православной традиции. Примечательно, что венец в православном венчании означает и мученичество, что перекликается с темой брака в смерти, который обретают герои О. Уайльда, называя свою последнюю перед трагичным финалом встречу брачной ночью.

2. Вера в человечность, добро и справедливость как противоположные нигилизму и разрушению силы.

3. Вера как доверие в любви. С латинского и итальянского языков *vera* переводится как ‘истинная’. В решающие моменты пьесы О. Уайльд акцентирует лексему *trust* (‘верить, доверять’), которая может рассматриваться англоязычной аудиторией как близкая лексемам *true* и *truth*. Но совпадение с семантикой имени *Vera* в значении ‘истинная’ является в данном случае скорее скрытым, поскольку отсутствует общий корень.

Для русскоязычной аудитории имя героини этимологически и семантически связано с глаголом *верить*. Отметим, что в начале пьесы Вера спасает жизнь возлюбленного, публично заявляя о том, что *верит* ему, а в финале герой выражает ей признательность за *доверие*: “*I knew you trusted me*” [Ibid. P. 405] («Я знал, что ты мне веришь»). Мы полагаем, что О. Уайльд знал о наличии одного корня у слов *вера* и *верить* в русском языке и мог намеренно использовать символичность игры слов как художественный прием, провозглашая доверие как основной принцип любви и адресуя последний в том числе русскоязычной аудитории.

Об отдельных языковых нюансах автор мог узнавать у современников русского происхождения. Он высоко ценил тонкий психологизм Ф. М. Достоевского, масштаб метода Л. Н. Толстого и неповторимый стиль И. С. Тургенева, которому среди этих трех мастеров отдавал первое место [Уайльд, 2003]. Примечательны, на наш взгляд, и фотографии 1882 г., на которых О. Уайльд запечатлен в тулупе с характерными для русского национального костюма поперечными застежками-ремешками [The Sarony Photographs]. В то время молодой автор работал над пьесой о Вере Сабуровой и, возможно, таким образом пытался вжиться в образ ее возлюбленного – царевича Алексея, выдающего себя за студента медицины.

Результаты качественного анализа

1. Самоотверженная женщина

Пролог пьесы является экспозицией – первым появлением героини, призванным охарактеризовать истинную сущность девушки до прихода в ее жизнь нигилизма. Действие начинается

¹Здесь и далее перевод фрагментов пьесы О. Уайльда наш.

в деревне у новой дороги в Сибирь (*the new road to Siberia*). Здесь Вере встречаются следующие по этапу заключенные (*prisoners*), закованные в кандалы (*men in chains*) и приговоренные к пожизненной каторге на рудниках (*these men are going to the mines for life*). Семантика этих образов (*Siberia, prisoners, chains, mines*) наводит на мысль о равнодушии О. Уайльда к самым актуальным темам своего века: в частности, последствиям восстания декабристов.

1.1. Связь с образом жены декабриста. Вера отдает все, что у нее есть – ожерелье матери (*It is all I have; it was my mother's*) – в обмен на возможность накормить уставших и голодных каторжан. Поступки героини в прологе не только показывают ее сострадательность, но и побуждают сопоставить ее характер с собирательным образом жены декабриста – символом самоотверженной и по-матерински отзывчивой русской женщины. В случае Веры каторжанином является не муж или возлюбленный, а брат. Узнав его в одном из заключенных, девушка порывается занять его место. Мотив по-матерински самоотверженной ментальности русских женщин и тема ссылки в Сибирь могли быть вдохновлены не только последствиями восстания декабристов, но также биографией и творчеством Ф. М. Достоевского. Трагичная судьба близкого человека становится для Веры личной драмой, накладывая отпечаток на всю ее жизнь. Иными словами, по-настоящему героиня не принадлежит движению нигилизма: он оказывается заблуждением в жизни Веры и с самого начала чужд самой природе ее души – подлинно русской самоотверженности. На наш взгляд, именно это качество, представленное автором в прологе-экспозиции, является ключевым в истинной сущности героини.

2. Снегурочка

Родители О. Уайльда занимались собиранием фольклора, что могло привить ему интерес к мифологическим и сказочным персонажам многих культур. Над созданием образа Веры автор работал в 1880–1883 гг. В 1882 г. под названием "*Blanche-Neige*" («Белоснежка») был издан французский² перевод русской сказки о сделанной из снега девочке, раставшей во время прыжка через костер [*Recueil de contes populaires slaves*, 1882. P. 95–102]. В предисловии сборника дано второе название: "*Sniegourka*" («Снегурка»). Возможно, существовали и другие переводы сказки. Премьера пьесы А. Н. Островского «Снегурочка» состоялась в 1873 г., а оперы Н. А. Римского-Корсакова – в 1882 г. Об их сюжете тщательно следивший за новостями мира искусства О. Уайльд мог узнать из газет.

В ходе исследования, как показано далее, мы выявили следующее. Образ Веры как женщины включает в себя сочетание внешней неприступности и внутренней пылкости, что красноречиво сопровождается символическим контрастом семантики снега / холода / воды и пламени / света / жара / солнца. Таким образом, героиню можно считать воплощением образа Снегурочки.

Женскую неприступность Веры отмечает в прологе пьесы влюбленный Михаил. Кроме того, она описывается как серьезная (*has the seriousness*), строгая (*solemn*), задумчивая (*pensive*). Эти качества также близки образу Снегурочки.

Примечательно, что моменты выбора в пользу деструктивного по своей сути нигилизма как бы «замораживают» Веру, лишая ее живой человеческой сущности в пользу символически бездушной неподвижности (напоминающей статичность ледяной скульптуры): *remains immobile, has remained motionless, stands immobile, standing motionless*. Решение стать нигилисткой сделало Веру столь же холодной, как снег на холме: *as chill and cold as the snow on the hill*.

Свое сердце героиня в разрушительном порыве воспринимает как холодное словно сталь: "...my heart is as cold as steel is..." [Wilde, 2007. P. 397]. Но Алексей в ожидании встречи с Верой размышляет: "...what hot and fiery hearts beat in this icy Russia..." [Ibid. P. 403] («...какие горячие и пламенные сердца бьются в этой ледяной России...»). Очевидно, эту мысль автор и герой относят не только к русской ментальности в целом, но и конкретно к душе Веры, т. е. на самом деле у нее пламенное сердце.

²О. Уайльд с юных лет знал этот язык.

Интересно, что, размышляя о пылающем сердце возлюбленного (*his heart aflame...*), героиня символически «оттаивает» и называет себя слабой словно вода (*weak as water*).

В русской культуре пламя и солнце обычно губят Снегурочку: она исчезает, прыгая с подругами через костер («Снегурочка» [Сказки России, 1992. С. 31–38]), или под воздействием Ярилы, как в опере Н. А. Римского-Корсакова. Однако в версии О. Уайльда внешне холодная Вера (благодаря пламенному сердцу?) сама способна превратиться либо в разрушительный огонь, либо в дарующее жизнь солнце. Так, нигилист Михаил сравнивает Веру с пламенем (*flame*) и факелом (*torch*), стремясь использовать эти ее качества в целях **деструктивной** деятельности. В противоположность этому Алексей нуждается в Вере в **конструктивном** смысле, сопоставляя ее с солнцем – **источником жизни**.

Символически выступая в роли солнца, Вера является для возлюбленного и **источником света**. На это указывает сочетание лексем *sun* и *light*: “...not to see her! the light seems to have gone from my life, the sun vanished from my day” [Wilde, 2007. P. 403] («...не видеть ее! кажется, свет ушел из моей жизни, солнце исчезло из моего дня»).

Символизируя солнце, Вера также является для героя **источником тепла**. Так, он замерзает душевно и физически без возлюбленной, глядя на зимний пейзаж под бледной луной. Образ этого погруженного в ночную тьму светила отсылает к одиночеству героя, чья возлюбленная символизирует солнце. Невозможность ее согревающего присутствия усиливает атмосферу холодного мрака, погружая царевича в грозящий гибелью (если ворвутся заговорщики) сон. Появление Веры пробуждает героя. Он говорит возлюбленной, что она дважды превосходит облаченное в золотые одежды утреннее солнце (*the golden-vestured morning sun*). Поскольку оно периодически начинает очередной цикл жизни, данное сопоставление приравнивает Веру к солнцу **как символу возрождения (бессмертия)**.

2.1. Снегурочка и царевич как архетипическая пара. Мы полагаем, что Вера является воплощением архетипа Снегурочки, а Алексей соответствует (не только в силу социального статуса) архетипу царевича: для последнего в русском фольклоре характерен мотив сна, в ряде случаев приравниваемого к смерти с последующим **воскрешением** («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» [Сказки России, 1992. С. 142–152], «Марья Моревна» [Там же. С. 166–175] и др.). В иностранном фольклоре также присутствует мотив спящего под воздействием губительных чар и затем пробужденного возлюбленного («Там Лин», «Три волшебных листочка» [Расскажу вам сказку..., 1991. С. 89–92, 352–378] и др.). Но в данном случае примечателен сам факт того, что сюжетный элемент пробуждения героя от рокового сна вполне соответствует родным для русской культуры (которую стремился показать О. Уайльд) фольклорным истокам. По сути, царевич в пьесе – это русифицированный автором синтез архетипов прекрасного принца и рыцаря, а неприступная «снежная дева» – вариация архетипа девицы в беде.

Интересно сочетание в рамках пьесы О. Уайльда Снегурочки и царевича как женского и мужского архетипов, которые в русской культуре любовный сюжет обычно не соединяет³. В качестве предполагаемых возлюбленных Снегурочки выступают Лель и Мизгирь, а в качестве невест царевича – Василиса Премудрая, Елена Прекрасная и др.

2.2. Связь с образом Анны Одинцовой. В 1867 г. был опубликован перевод романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева на английский язык. Если у Базарова О. Уайльд, очевидно, заимствовал для Алексея социальную позицию («нигилист» и «студент медицины»), то Вера, вероятно, «унаследовала» у Одинцовой нюанс метафорической холодности. Приведем примеры лексической передачи последнего в оригинале И. С. Тургенева и, вероятно, доступном О. Уайльду английском переводе 1867 г.: *так холодно и строго себя держит* – *has such cold and severe manners*, *холодна* – *cold*, *нрав спокойный и холодный* – *a cold and calm character*,

³Однако мы не отрицаем существование некоторых исключений: см. современную сказку И. В. Гуриной «Иван-царевич и Снегурочка».

холодная – *cold*, холодный прием – *the coldness of [...] reception* [Тургенев, 1981. С. 71, 78, 84, 132; Turgenev, 1867. P. 88, 98, 105, 171]. Однако в отличие от образа Анны Одинцовой внешняя холодность Веры Сабуровой сочетается с жаром души.

2.3. Связь с образом Татьяны Лариной. В 1881 г., пока О. Уайльд продолжал работу над пьесой, был опубликован английский перевод «Евгения Онегина». В оригинале Татьяна наделена *сердцем пламенным* [Пушкин, 1999. С. 54], а впечатления героя от ее неприступности в финале выражены следующим образом: «*У! как теперь окружена / Крепким холодом она!*» [Там же. С. 151]. В переводе 1881 г. эти черты переданы так: *an ardent heart, "Alas! she is as hard, behold, / And frosty as a Twelfth Night cold"* [Pushkin, 1881. P. 79, 242]. Таким образом, контраст «пламенного» сердца и «снежной» холодности в образе Веры близок одному из самых известных портретов русской женщины в классической литературе.

3. Прекрасная Дама

Объясняясь в своих чувствах, царевич падает перед Верой на колени (*falls at her feet*), что является наглядным проявлением рыцарского преклонения. Хронотоп пьесы превращает идею служения Прекрасной Даме в желание героя трудиться для Веры словно крестьянин (*peasant*) или крепостной (*serf*). Порыв совершения подвигов в честь Прекрасной Дамы воплощается в стремлении Алексея править справедливо, освободить брата Веры и его товарищей, подарить возлюбленной империю и целый мир.

Как подобает Прекрасной Даме, Вера описывается как *a beautiful woman* («красивая женщина») и *beauty* («красавица»). Но в отличие от Прекрасной Дамы у нее нет ни благородного происхождения, ни высокого статуса, хотя возлюбленный считает ее достойной титула императрицы.

3.1. Связь с образом некрасовской крестьянки. Идея сопоставления русской крестьянки, которой является Вера по происхождению, одновременно с солнцем (см. выше) и царственной особой перекликается со строками Н. А. Некрасова. Фрагменты его посвящения «Есть женщины в русских селеньях...» из поэмы «Мороз, Красный нос» были переведены на английский язык и опубликованы в 1876 г. Сопоставим строки оригинала с той версией, которую мог видеть О. Уайльд: «С походкой, со взглядом цариц» – “*whose gait and glance are those of a queen*”, «Пройдет – словно солнце осветит!» – “*When she passes it is as when the sun shines!*” [Некрасов, 1982. С. 80; Ralston, 1876. P. 760]. Таким образом, у Н. А. Некрасова сравнение русской женщины с солнцем акцентируется в аспекте **источника света**, что используется и в образе Веры (см. выше). Но сопоставление русской крестьянки с царицей (в переводе 1876 г. – *королевой*) О. Уайльд возвышает до уровня императрицы.

4. Невозможность женского счастья

Наряду с символической семантикой холода (см. выше) неприступность Веры выражается в ее стремлении подавить свою природу (*strangle whatever nature is in me*), не любить и не быть любимой (*neither to love nor to be loved*), не выходить замуж и не позволять выдать себя замуж (*neither to marry nor to be given in marriage*). В эти слова, возможно, лишь формально являющиеся для героини частью клятвы нигилистов, она может вкладывать и личный смысл.

4.1. Связь с образом Анны Одинцовой. Для Веры характерно не только идеологическое, но и почти физическое сопротивление любви. Так, она вырывает свои ладони из рук возлюбленного, целует его лишь в первый и последний раз (*the first, the last time*), вырывается из его объятий. На наш взгляд, это недоверие к любви почти на физическом уровне перекликается с самоощущением Анны Одинцовой, которое И. С. Тургенев описал как *тайное отвращение ко всем мужчинам* [Тургенев, 1981. С. 84] (в переводе 1867 г.: *a secret aversion for all men in general* [Turgenev, 1867. P. 105]). В случае Одинцовой причиной был опыт неудачного брака. Что касается Веры, эта красивая девушка из незащищенного класса крестьян, оставшаяся без брата и отца, вынуждена терпеть навязчивое внимание мужчин. Еще до прихода в жизнь героини нигилизма она уже сопротивляется любви, отвергая Михаила. Позже ей приходится выслушивать недвусмысленные намеки генерала. Непривычное для Веры благородство ца-

ревича приводит ее в смятение как женщину, и она по инерции продолжает сопротивляться любви.

5. Обретение женского счастья

Именно любовь заставляет Веру познать и признать свою подлинную сущность: *Oh, I am a woman! <...> I love* («О, я женщина! <...> Я люблю»). Героиня ощущает пробуждение от тусклого серого прошлого (*the past seems but some dull grey dream from which our souls have wakened*) и наслаждается счастьем.

6. Истинная любовь

Духовные достоинства любви царевича и Веры ценны сами по себе и заслуживают особого рассмотрения отдельно от часто затмевающего их контекста нигилизма. Наряду с **доверием** (см. выше) среди нравственных уроков истинной любви в пьесе О. Уайльда представлена **возможность взаимного пробуждения и даже символического возрождения друг друга**. В данном случае это происходит между неприступной, но способной «оттаять» и пробудиться для любви женщиной и мужчиной, преодолевающим с помощью ее «солнечного света» погружение в гибельную тьму одиночества. О духовном возрождении героев также свидетельствуют их слова о наступившей, наконец, жизни (*life at last*) и упоминание 3-х дней (символически период от смерти до воскрешения?), в течение которых царевичу не хватало Веры.

Истинной любви свойственно **самопожертвование**: героиня отдает свою жизнь, чтобы спасти возлюбленного. Ее слова *“There is no such thing as death”* [Wilde, 2007. P. 405] («Смерти нет») и ответ Алексея *“There shall not be for us”* [Ibid.] («Для нас ее не будет») наиболее красноречиво выражают в пьесе моральную победу любви над смертью.

Результаты количественного анализа

Общее количество рассмотренных на материале пьесы примеров: 253. При анализе языкового материала в качестве примеров выбирались не только одиночные лексемы, но и семантически значимые группы: словосочетания (эпитет + существительное и др.) или высказывания, в которых присутствуют действие, субъект / объект, а также (при наличии) обстоятельства образа действия, места, времени и др., т. е. микроконтекст в целом. Выборка одиночных лексем не всегда целесообразна, в том числе ввиду того, что О. Уайльд использует достаточно сложные по структуре метафоры: попытки рассматривать каждую лексему по отдельности привели бы к нарушению целостности созданных автором образов и их утрате.

Выявленное соотношение сущностных признаков: «Самоотверженная женщина» – 37,1 % (52), «Снегурочка» – 18,6 % (26), «Прекрасная Дама» – 44,2 % (62). Преобладающими среди рассмотренных сущностных черт являются «Прекрасная Дама» (подтверждается предположение о том, что подразумевался идеал возлюбленной) и «Самоотверженная женщина» (свидетельствует о выраженной сострадательности). Признак «Снегурочка» в количественном соотношении представлен не очень широко, но именно он (см. выше) богат поэтической экспрессивностью.

Выявленное соотношение контекстуальных признаков: «Невозможность женского счастья» – 20,4 % (23), «Обретение женского счастья» – 19,5 % (22), «Истинная любовь» – 60,1 % (68). Первые два – признаки-антагонисты – составляют менее четверти каждый и примерно равны, а «Истинная любовь» (более половины) является преобладающим контекстуальным признаком.

Заключение

В работе решены поставленные задачи, достигнута цель исследования.

Значимость работы связана с возможностью расширить представления о влиянии русской литературы и культуры на творчество зарубежных авторов, в частности, О. Уайльда. **Новизна**

результатов заключается в переосмыслении образа Веры Сабуровой и углублении его понимания, в том числе через **новый вектор** рассмотрения: сопоставление с портретами русской женщины из отечественной классической литературы (вместо ограниченных рамок темы нигилизма). Проведенный анализ показал, что в образе Веры сочетаются черты русской женщины из истории (жёны декабристов) и литературы (Снегурочка, Анна Одинцова, Татьяна Ларина, некрасовская крестьянка) современного О. Уайльда века. Переводы соответствующих произведений были опубликованы в течение двух десятилетий до премьеры пьесы о Вере Сабуровой (1883 г.), т. е. образ героини мог складываться в мировоззрении автора постепенно. Специфика выявленных интертекстуальных связей (осознанный / неосознанный характер, функции и др.) требует отдельного изучения.

Отметим, что сравнение героини с утренним **солнцем**, вероятно, является наиболее поэтичным, венчая (логически завершая) образ Веры как женщины, чье тепло побеждает ее собственную былую **холодность**, и чей **свет** рассеивает гибельный **мрак** в душе героя.

Перспективой исследования является дальнейший анализ переосмысленного образа Веры Сабуровой, в частности, при изучении примеров влияния русской литературы и культуры на творчество зарубежных авторов. Возможна также переоценка места героини в художественном мировоззрении О. Уайльда.

Мы предполагаем, что в образе Веры начинающий автор представил несбывшийся идеал возлюбленной. Русская женщина, по-матерински самоотверженная и отзывчивая, смогла бы, на наш взгляд, изменить судьбу О. Уайльда, оградив от многих пороков двуличного викторианского общества и продлив тем самым его творческий путь. Разглядев лучшее в душе и даровании писателя, она, возможно, стала бы для него преданной спутницей, как это сделала в жизни Ф. М. Достоевского А. Г. Сниткина...

В качестве общей характеристики творчества и наследия О. Уайльда отметим следующее. Рано воспринятая от Ф. М. Достоевского философия обретения веры через страдание оказывала влияние на О. Уайльда всю его жизнь [Красавченко, 2021]. На наш взгляд, дальнейшее обращение к человечности русской культуры позволило бы таланту О. Уайльда раскрыться наиболее полно и быть по-настоящему понятым, а его поэтике самопожертвования, сострадания и милосердия (см. сказки «Счастливый принц», «Соловей и роза», «Мальчик-звезда» и др.) – зазвучать еще пронзительнее... Однако зародившийся в раннем творчестве О. Уайльда вектор интереса к русской литературе и культуре не был принят его соотечественниками и заокеанскими современниками: премьера пьесы о Вере Сабуровой состоялась в 1883 г. в США и закончилась потоком критики в американской прессе. Свое исследование мы хотели бы посвятить 140-летию попытки О. Уайльда представить свету Веру: как идеал возлюбленной и образ любящей женщины с русской душой.

Список литературы

- Валова О. М. Жанровое своеобразие драматургии Оскара Уайльда в контексте его философии нереального // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2015. № 2. С. 95–101.
- Красавченко Т. Н. Оскар Уайльд и Достоевский: вектор страдания и сострадания // Литературоведческий журнал. 2021. № 1 (51). С. 28–37.
- Некрасов Н. А. Мороз, Красный нос // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. С. 77–109.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Драммы. Харьков: Фолио, 1999. 316 с.
- Расскажу вам сказку: Сказки и легенды народов Западной Европы. М.: Правда, 1991. 592 с.
- Сказки России: Русские народные сказки. М.: Россия молодая, 1992. 320 с.

- Тургенев И. С.** Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 7. С. 5–188.
- Уайльд О.** «Униженные и оскорбленные» Достоевского // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2003. С. 329–331.
- Pushkin A.** Eugene Onéguine. London, Macmillan and Co., 1881. 276 p.
- Ralston W. R. S.** Russian Idylls // The Contemporary Review. 1876. Vol. 27. P. 746–763.
- Recueil de contes populaires slaves.** Paris, Ernest Leroux, 1882. 266 p.
- The Sarony Photographs.** Oscar Wilde in America, 1882, photo no. 3 [Online]. URL: <https://www.oscarwildeinamerica.org/images/c/3-copy-5187.jpg> (дата обращения: 30.09.2023).
- Turgenev I. S.** Fathers and Sons. New York, Leypoldt & Holt, 1867. 248 p.
- Yoshimi Shintani.** A Study of *Vera; or, The Nihilist*: A Political Play with a Revolutionary Heroine // Fac. Ltrs. Rev. Otemon Gakuin University, 2001. Vol. 37. P. 41–56.

Список источников

- Wilde O.** Vera. In: The Collected Works of Oscar Wilde. London, Wordsworth Editions Limited, 2007. P. 363–406.

References

- Fairy Tales of Russia:** Russian Folk Tales. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Rossiya molodaya", 1992, 320 p. (in Russ.)
- I Shall Tell You a Story: Fairy Tales and Legends of the Peoples of Western Europe.** Moscow, Pravda, 1991, 592 p. (in Russ.)
- Krasavchenko T. N.** Oscar Wilde and Dostoevsky: vector of suffering and compassion. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2021, no. 1 (51), pp. 28–37. (in Russ.)
- Nekrasov N. A.** The Red-Nosed Frost. In: Nekrasov N. A. Complete Works and Letters. In 15 vols. Leningrad, Nauka publ., 1982, vol. 4, pp. 77–109. (in Russ.)
- Pushkin A.** Eugene Onéguine. London, Macmillan and Co., 1881, 276 p.
- Pushkin A. S.** Eugene Onegin. In: Pushkin A. S. Eugene Onegin. Plays. Kharkov, Folio, 1999, 316 p. (in Russ.)
- Ralston W. R. S.** Russian Idylls. *The Contemporary Review*, 1876, vol. 27, pp. 746–763.
- Recueil de contes populaires slaves.** Paris, Ernest Leroux, 1882, 266 p.
- The Sarony Photographs.** Oscar Wilde in America, 1882, photo no. 3 [Online]. URL: <https://www.oscarwildeinamerica.org/images/c/3-copy-5187.jpg> (accessed: 30.09.2023)
- Turgenev I. S.** Fathers and Sons. New York, Leypoldt & Holt, 1867, 248 p.
- Turgenev I. S.** Fathers and Sons. In: Turgenev I. S. Complete Works and Letters. In 30 vols. Moscow, Nauka publ., 1981, vol. 7, pp. 5–188. (in Russ.)
- Valova O. M.** Generic identity of Oscar Wilde's drama in the context of his philosophy of unreal. Herald of Vyatka State Humanitarian University, 2015, no. 2, pp. 95–101. (in Russ.)
- Wilde O.** A Batch of Novels. In: Wilde O. Collected Works. In 3 vols. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub, 2003, vol. 3, pp. 329–331. (in Russ.)
- Yoshimi Shintani.** A Study of *Vera; or, The Nihilist*: A Political Play with a Revolutionary Heroine. Fac. Ltrs. Rev. (37), Otemon Gakuin University, 2001, pp. 41–56.

List of Sources

- Wilde O.** Vera. In: The Collected Works of Oscar Wilde. London, Wordsworth Editions Limited, 2007, pp. 363–406.

Информация об авторе

Бобылева Татьяна Валерьевна, кандидат филологических наук, независимый исследователь

Information about the Author

Tatyana V. Bobyleva, Candidate of Sciences (Philology), Independent Researcher, Novosibirsk, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 02.10.2023;
одобрена после рецензирования 07.12.2023; принята к публикации 29.12.2023*

*The article was submitted 02.10.2023;
approved after reviewing 07.12.2023; accepted for publication 29.12.2023*